

С. Л. Попов

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

**Потебня о пессимизме русской народной поэзии:
современная когнитивно-эволюционная интерпретация**

Попов С.Л. Потебня про пессимізм російської народної поезії: сучасна когнітивно-еволюційна інтерпретація. У статті аналізуються причини пессимізму російської народної поезії, що був аргументовано продемонстрований Потебнею. Аналіз проводиться із застосуванням когнітивно-еволюційного підходу, що дозволяє розглядати створені людиною сутності з позицій їх обумовленості потенційно еволюціонуючими когнітивними структурами. У ході аналізу застосовуються відомості теорії сприйняття, етнічної психології та нейрофізіології. Розглядаються особливості первісного сприйняття.

Ключові слова: російська народна поезія, логіка, сприйняття, функційна асиметрія півкуль мозку, первісність.

Попов С.Л. Потебня о пессимизме русской народной поэзии: современная когнитивно-эволюционная интерпретация. В статье анализируются причины пессимизма русской народной поэзии, аргументированно продемонстрированного Потебней. Анализ проводится с применением когнитивно-эволюционного подхода, позволяющего рассматривать созданные человеком сущности с позиций их обусловленности потенциально эволюционирующими когнитивными структурами. В ходе анализа применяются сведения теории восприятия, этнической психологии и нейрофизиологии. Рассматриваются особенности первобытного восприятия.

Ключевые слова: русская народная поэзия, логика, восприятие, функциональная асимметрия полушарий мозга, первобытность.

Popov S.L. Potebnya about pessimism of Russian folk poetry: the modern cognitive and evolutionary interpretation.

In the article the reasons of the Russian folk poetry pessimism demonstrate with deep arguments by Potebnya are analyzed. The analysis is carried out with application of the cognitive and evolutionary approach that allows to study human-created substances from the perspective of their being determined by potentially evolving cognitive structures. In the course of the analysis data of the theory of perception, ethnic psychology and neurophysiology are applied. Peculiarities of primitive perception are considered.

Keywords: Russian folk poetry, logic, perception, functional asymmetry of cerebral hemispheres, primitiveness.

О научном творчестве Потебни (мы намеренно не указываем имя и отчество или инициалы этого гениального ученого, приравнивая его к тем мыслителям, которые со временем начинают обозначаться только одной, всеми узнаваемой номинацией) написано немало. Исследователи множество раз отмечали энциклопедизм Потебни, который проявил себя как обладающий редким даром научного предвидения лингвист, философ, литературовед, психолог, этнограф и фольклорист. Неудивительно, что некоторые аспекты его научного наследия остаются нераскрытыми. Разновидностью этого недостатка является невнимание ученых к доказательно представленным Потебней реалиям, которые имеют важное значение для современной науки, характеризующейся переходом от имеющего несомненные научные заслуги структурализма к антропоцентризму, объясняющему полученные структурализмом данные их корреляцией со всем имеющим отношение к человеку. Существенным

проявлением такого общенаучного антропоцентризма является когнитивизм, получивший широкое распространение в лингвистике, объясняющий причины языковых явлений их обусловленностью когнитивными структурами: мышлением, восприятием, памятью, вниманием и т. п., – изучением которых занимаются психология и логика – во всех их разновидностях, нейрофизиология и другие антропонауки (в когнитивной науке этим термином называют науки о человеке), чем и обусловлен интерес когнитивной лингвистики к данным смежных с ней наук. В качестве одного из направлений когнитивной лингвистики может рассматриваться предложенный нами к изучению русской грамматической вариантности когнитивно-эволюционный подход, который используется также в современной эволюционной эпистемологии [7; 8] и в применении к грамматическим вариантам характеризуется вниманием к эволюции когнитивной, прежде всего перцептивно-

логической, обусловленности грамматических явлений [11; 12; 10]. По нашему убеждению, когнитивно-эволюционный подход может быть применен и к явлениям, которые по традиции входят в сферу внимания литературоведов.

Целью настоящей статьи является когнитивно-эволюционная интерпретация аргументированно доказанного Потепней пессимизма русской народной поэзии. Такая интерпретация предполагает объяснение причины указанного пессимизма, и для нас принципиально важно, что объяснение причин явлений, идущее на смену их структуралистскому описанию, является главным постулатом когнитивной науки (см. [5:25]).

С позиций и психологии, и аксиологии, пессимизм – это отрицательная вплоть до безысходности оценка наблюдаемого в себе и/или вокруг. Сегодня пессимизм не является явлением очень распространенным, но не считается явлением малоизученным. Психологи могут привести множество причин пессимистических и других депрессивных состояний, как правило – отдельных людей, но массовый пессимизм произведений народного поэтического творчества не является предметом их внимания.

Приведем фрагменты русской народной поэзии, взятые из хорошо известной, получившей в свое время одобрение вначале П.А. Лавровского, затем И.И. Срезневского и многих других, ранней работы Потепни – его магистерской диссертации «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (намеренно оставив в стороне наблюдаемое в этой поэзии, важное для когнитивно-эволюционного анализа соотношение образа и символа – это тема для отдельного исследования):

*Грушице моя! чом ти не зеленая? Милая моя!
чом ти не веселая?*

Уж как съелся я, добрый молодец, погубился.

*Я рассею мое горе по всему по чисту полю.
Уродися, мое горе, ты травною полыньейю.*

*Что не ржавчинка на болотичке зарождалась.
Не кручинушка добра молодца издоляла; Издоляет-
то добра молодца худа слава; С худой славы
добрый молодец погибает.*

*Под горою высокою Леса растут темные и
шипица колючая, Да и крапива-то жгучая Да и
осока резучая... Шпица колючая – Богоданны
милы братцы, Крапива-то жгучая – Богоданные
сестрицы.*

*Лебедь наша белая, Лебедушка молоденькая!
Боишься ли ты мороза? Я мороза боюся, Я за
белый снег схоронюся. Ты Машенька душа...
Боишься ли ты свекора? Я свекора-то боюся, Я за
батюшку схоронюся.*

*Туманно красно солнышко, туманно, Что
красного солнышка не видно? Кручинна красная
девица, печальна, Никто ее кручинушки не знает
[14:6, 16, 21, 23, 33].*

«В влр. свадебной песне сваха говорит: «Как чужая-то сторонущка сахаром изнасяна, сытою поливана...». На это (прямо во время такого жизнеутверждающего действия, как свадьба. – С.П.) ей отвечает мать невесты: «Уж как чужая-то сторонущка горем вся изнасяна, Она слезами поливана, печалью огорожена...» [14:16-17].

То, что эти контексты исполнены пессимизма, в доказательствах не нуждается, ибо эмоции их коллективного автора эмпирически очевидно отрицательны. Записки Потепни, объединенные названием «Пессимизм и ретроспективность мысли», включенные учениками Потепни после его смерти в сборник, названный ими «Из записок по теории словесности», начинаются соответствующими словами: «Характерная черта тех слоев народа, для которых наибольшее практическое значение имеет поверье, обычай и вообще народная поэзия, состоит в глубоком и радикальном пессимизме» [13:402]. Обращает на себя внимание разделение автором «народа» как минимум на две категории: имплицитно – на людей просвещенных, массово пессимизмом не страдающих, и – эксплицитно – на людей, руководствующихся (именно так позволяет думать авторское словосочетание «практическое значение») поверьями, обычаями и народной поэзией. Очевидно, что Потепня имеет в виду не исторических предшественников, а своих современников, то есть людей середины и второй половины XIX века, ибо среди них действительно наблюдались, причем в значительном количестве (это доказывают работы Н.Ф. Сумцова конца XIX века – см. [16; 17; 18; 19]), люди, для которых «наибольшее практическое значение имеет поверье, обычай и вообще народная поэзия, отличающиеся «глубоким и радикальным пессимизмом». Кроме того, принципиально важным является признание Потепней корреляция народной поэзии с поверьями и обычаями, поскольку данная связь позволяет прийти к выводу, что рассматриваемая нами народная поэзия есть проявление первобытного мировосприятия.

Сразу после процитированной нами программной фразы Потепня делает уточнение: «Этим не исключается светлый, радостный тон отдельных произведений и целых разрядов произведений. Молодость, здоровье берут везде свое» [13:402] (ср. *Свет вы мои, сени новые... Свет ты моя, чара золотая... Свет ты мой, соловей во саду; И вы, гости наши, посидите у нас, И вы, светлы наши, побеседуйте у нас* [14:27, 142-143]). Но автор тут же добавляет, что эта констатация оптимизма русской народной поэзии является исключением из общего правила народнопоэтического пессимизма. Очень показательным в этом смысле описанное автором народное понимание «правды и кривды»: «В русской народной поэзии мысль о торжестве правды

над кривдой отнесена в область сказки, между тем как противоположная мысль о том, что «кривда правду переспорила», многократно повторяется в пословицах, песнях, преданиях» [13:407].

Потебня убедительно доказывает, что в сознании коллективного автора русской народной поэзии негативное отношение к настоящему подчеркивается контрастно позитивным отношением к прошлому. Автор прибегает к обобщению основных мыслей о прошлом в этой поэзии: «а) Было такое время, когда звери и птицы говорили человеческим языком. ... б) Хлеба было больше. в) Люди были больше ростом, сильнее, долговечнее. г) Между ними царствовали правда и счастье» [13:407].

Прозорливый ученый тщательно отграничивает пессимизм первобытный от пессимизма современного ему общества, представители которого, приходя в отчаяние от некоторых проявлений современности, всё же обладают недюжинной верой в лучшее будущее, однако и в этом современном обществе Потебня видит пессимистов: «Господствующий тип среди наиболее развитых классов современного общества – люди сознательной, самоуверенной мысли, люди[,] живущие, глядя вперед на носящийся перед ними (более-менее смутный) образ лучшего будущего, люди, которых жалобы на настоящее основаны не на том, что когда-либо было лучше, а на том, что, по их мнению, течение, уносящее их от прошедшего, слишком медленно. ... Не то представляют нам те из низших слоев современного народа, которые живут еще преданием, и не то предполагаем мы в древности, в так называемый эпический[,] или народно-поэтический[,] период. Характерная черта этих слоев и этого периода состоит в радикальном беспримерном пессимизме» [13:405-406].

Объяснить причину этого пессимизма Потебня со всей очевидностью стремится, но это сводится либо к развенчанию существующих в его время объяснений – ср., например, его слова: «... исторические воспоминания ... не могут служить достаточным объяснением всеобщего пессимистического взгляда на жизнь природы и человека» [13:406], – либо к несомненно полезным, но не окончательно всё объясняющим обобщениям. Так, верно отметив, что «почти все звуки внешней природы (ветра, зверей, птиц, кроме разве соловья) в народной русской поэзии представляются печальными и «вещуют» печаль», и уместно присовокупив к этому остроумное замечание знакомого ему немца: «Трудно быть русским и не пессимистом», – Потебня делает абсолютно корректное с современной точки зрения обобщение: «Насколько во всем этом участвуют особенности русской и вообще славянской жизни, этого я определить не могу; но, допуская некоторую долю этого участия, я думаю, что такое настроение должно характеризовать первобытного

человека вообще, так как оно согласно с другими явлениями первобытной жизни, из которых должна вытекать, так сказать, повальная несамоуверенность личной мысли» [13:406]. Как можно убедиться, вопрос о причине первобытной «несамоуверенности личной мысли», то есть уже не только русской, что явилось безусловным прогрессом в осмыслении явления пессимизма народной поэзии во всемирном масштабе, остался у Потебни без ответа. Почему – судить не беремся, ведь многие положения этнической психологии, объектом внимания которой были прежде всего современные первобытные этносы, во второй половине XIX века были достаточно известны. Но ответить на этот вопрос – постараться.

Когнитивно-эволюционный подход каузирует предположение, что причину пессимизма народной поэзии следует искать в перцептивных особенностях первобытных людей, поскольку качество логики (логичность) любых людей зависит от качества присущего им восприятия: восприятия синкретичного, поверхностного и альтернативного. Эти степени восприятия были выделены на основании достижений этнической и детской психологий. Синкретичное восприятие характеризуется целостностью, нерасчлененностью воспринимаемого. Поверхностное восприятие ориентировано на ближайшие, наиболее заметные или другим образом воспринимаемые сущности или признаки. Альтернативное восприятие связано с возможностью выбора из имеющихся альтернатив сущностей или признаков. История перцептивного прогресса человечества – в фило- и онтогенезе – есть эволюция от синкретизма – через поверхностность – к альтернативности восприятия как к перцептивной норме [11:5-105; 12:90-91; 10:109-140].

Достижение поставленной в настоящей статье цели предполагает обращение к первой степени восприятия, которую правильнее считать нулевой, – синкретизму, ибо, как доказано этнопсихологами, именно эта степень наблюдается у первобытных людей в первую очередь. Одной из важнейших особенностей первобытного синкретизма является неотделение человеком себя от окружающей действительности. Этот постулат выглядит слишком абстрактным и потому требует пояснения. К такому неотделению приводит неразвитость абстрактного мышления. Первобытный человек не может отвлечь, абстрагировать себя в качестве активного, смелого, самостоятельно мыслящего и, как следствие, самостоятельно действующего существа, противопоставившего себя окружающей действительности с целью ее познания и, как следствие, преобразования ее «под свои нужды» (что наблюдается в современных цивилизованных этносах). Это приводит к наделению непознанных человеком и потому непонятных ему и пугающих его природных явлений мистической силой, которой первобытный человек вынужден

подчиняться, моля о милости к нему. В этом смысле и можно говорить о том, что первобытный человек не отделяет себя от окружающей действительности, в том числе от окружающего социума (отсюда такие рудименты, как анонимность средневековых произведений и хорошо известное современным ученым «мы» в научном стиле).

Именно по причине вынужденного подчинения мистифицированному непознанному описанные в народной поэзии явления предстают отрицательнооценочными и могут вызвать лишь чувство пессимизма. С периода VII–II веков до н. э., названного К. Ясперсом «осевым», в Китае, Индии и на Западе, прежде всего в Греции, происходило преодоление мифологического мировосприятия, то есть синкретичного и затем (что дается гораздо труднее) поверхностного восприятия себя и окружающей действительности [21:34], однако в других местах расселения человечества, а именно в не столь климатически теплых, то есть не позволяющих собирать больше одного урожая в год, в том числе у славян, такое преодоление происходило значительно позже.

Укажем на один из наиболее ярких фактов синкретизма восприятия. Первобытные люди отождествляют человека с его изображением (достаточно вспомнить «причинение вреда» человеку путем «нанесения увечий» восковой фигуре этого человека или, в более модернизированном виде, путем «выкалывания глаз» человека на его портрете или фотографии). Такое же первобытное отождествление наблюдается в отношении человека и отбрасываемой им тени, которая должна быть неприкосновенна так же, как ее хозяин. Более того, первобытные люди никому не сообщают свое настоящее имя, поскольку полагают, что имя есть атрибут самого человека и этому атрибуту, а следовательно – и его носителю, может быть причинен вред недоброжелателями. Соответственно, если человек представляется успешным, его имя становится желанным для других: «...меня неоднократно просили в различных деревнях поменяться именем с каким-нибудь туземцем» – свидетельствует Н.Н. Миклухо-Маклай [9:86].

Описанные три явления вполне заметны для любого современного цивилизованного человека, в том числе для этнопсихологов, и потому эти три явления, как поверхностно воспринятые в первую очередь, быстро стали объектами их внимания. Однако синкретичная спаянность человека и его изображения, человека и его тени, человека и его имени – лишь фрагменты общей картины такого рода синкретизма, а именно восприятия имени как части не только человека, но и любого предмета. Рассмотрение имени как атрибута предмета свойственно даже первым философам: «На ранних этапах развития философской мысли, – пишет Р.Л.

Грегори, – в слове видели атрибут предмета, а не название, которым человек снабдил предмет. Жан Пиаже показал, что детское мышление именно так и трактует названия предметов – как *свойства* последних; но такова же трактовка зрелого Аристотеля – он считал слово частицей сущности предмета. Такой философский взгляд на связь слов и вещей чрезвычайно далек от современного» [2:169]. Один из пионеров изучения межполушарных отношений в головном мозге В.Л. Деглин тоже обращает внимание на то, что синкретичное неразличение слова и денотата «зарегистрировано в мифах разных народов – в Библии, в исландских сагах, даже в гомеровском эпосе» [3:144] («даже», очевидно, излишне, если помнить, что Гомер жил на несколько веков раньше Аристотеля). Отсутствие абстрактной лексики в значимых для европейской культурной традиции текстах Гомера приводит исследователей к мысли о неспособности великого поэта-сказителя мыслить абстрактно (см. об этом [6:15]), что в целом не удивительно, если помнить о единстве, отмеченном самим Потебней: об отождествлении понятий «эпический» и «народно-поэтический» по признаку «радикальный беспримерный пессимизм» [13:406]. Неразличение слова и денотата можно назвать «синкретизмом в миниатюре», но по аналогии с ним несложно представить более общую картину синкретичного неотделения несамостоятельного человека от всей подчиняющей его окружающей действительности.

Сказанное выше о пессимизме и синкретизме подтверждается нейрофизиологическими сведениями о функциональной асимметрии мозговых полушарий человека. Результаты четвертьвековых исследований, осуществленных В.Л. Деглиным (параллельно с известным американским нейрофизиологом, лауреатом Нобелевской премии Р. Сперри), свидетельствуют о том, что (у правшей, составляющих подавляющее большинство людей) функцию распознавания выполняет правое полушарие, а категоризацию – левое. По мнению В.Л. Деглина, история развития человеческого мозга есть история движения мысли конкретной из правого полушария к мысли абстрактной в левом полушарии: «Ранний этап эволюции психической деятельности – этап использования природных объектов в качестве знаков – связан с правым полушарием и роднит человека с его животными предками. Поздний этап эволюции становления психической деятельности, основанный на специально созданных для знаковой функции искусственных объектах, связан с левым полушарием. Это специфически человеческий этап становления психической деятельности. <...> Функциональная асимметрия, с моей точки зрения, — это летопись, «Повесть временных лет» человеческой психики» [3:145-146]. К таким же выводам (с некоторым их уточнением) приходят другие исследователи функциональной асимметрии

полушарий человеческого мозга. Так, Д.А. Фарбер и Т.Г. Бетелева фиксируют, что у современного цивилизованного человека механизмы целостно-формального, конкретного опознания, свойственные правому полушарию, формируются от момента рождения до 5-6-летнего возраста, а осуществляемые левым полушарием по общим, отвлеченно воспринятым признакам классификации можно считать более-менее совершенными к 14-16 годам [20]. «Левое полушарие обрабатывает информацию дискретно, последовательно, аналитически... Правое полушарие обрабатывает информацию целостно, одновременно, синтетически...» [1:12].

Это сведения вполне известные. Но, как заявляют нейрофизиологи и психологи, не является широко известной информация о том, что функциональная асимметрия мозговых полушарий человека обеспечивает различие и эмоциональных его состояний. Данные, полученные В.Л. Деглиным и Н.Н. Николаенко, свидетельствуют о том, что категоризирующее левое полушарие человеческого мозга отвечает за положительные эмоции, а синкретично воспринимающее действительность правое – за отрицательные. При этом в функциональном отношении полушария представляют собой привативную оппозицию. Эмоции зависят от работы или неработы левого, доминантного в процессе познания, полушария: в случае именно его отключения возникают отрицательные эмоции [4]. К таким же выводам пришел С. Даймонд, опыты которого показали, что «по сравнению с левым полушарием правое полушарие видит мир как значительно более неприятное, враждебное и даже омерзительное место», но «в случаях, когда одновременно работают оба полушария, наше восприятие очень схоже с восприятием левого полушария. Вероятно, в повседневной жизни негативизм правого полушария сильно смягчается более добродушным и жизнерадостным левым полушарием» [15:190]. Очевидно, можно говорить о позитивности (нормативности) альтернативного восприятия, связанного с работой левого полушария, и негативности, настороженности синкретичного восприятия, связанного с работой правого

полушария, причем негативности не как самостоятельной аксиологической сущности, а как отсутствия позитивности. В таком случае становится доказательно ясным, что у первобытного человека оказывается еще не развитой функциональная специализация мозговых полушарий, следствием чего является отсутствие познавательной жизнерадостности, которая у современного цивилизованного человека обеспечивается работой левого полушария. Оба полушария мозга первобытного человека представляют собой синкретично цельный нейрофизиологический механизм, работа которого идентична работе правого полушария мозга современного цивилизованного человека, что и обеспечивает настороженное, негативное и, следовательно, пессимистичное восприятие первобытным человеком окружающей действительности. Пессимизмом такого восприятия обуславливается пессимизм первобытного творчества.

Таким образом, когнитивно-эволюционный подход к изучению причины продемонстрированного Потемкиным пессимизма русской народной поэзии позволил установить, что данная причина кроется в имеющей определенную эмоциональную окраску особенности восприятия, наблюдаемой у коллективного автора русских, как и любых других (что тоже отметил Потемкин), народных песен. Эта особенность – синкретизм, при котором принципиально непознаваемый окружающий мир воспринимается довлеющим над человеком как над его неотъемлемой частью и потому является для перманентно напуганного этим миром человека, не могущего ни хоть как-то повлиять на этот мир, ни тем более радикально его изменить, оцениваемым исключительно негативно, что и вызывает пессимизм поэтического описания народом этого мира и себя в таком мире.

Из данного вывода следует еще один – «междисциплинарный»: сведения антропонаук позволяют научно объяснять нераскрытые причины явлений, традиционно считающихся объектом литературоведения.

Литература

1. Взаимодействие полушарий мозга у человека: Установка, обработка информации, память / Ильюченко Р.Ю., Финкельберг А.Л., Ильюченко И.Р., Афтанап Л.И. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — 169 с.
2. Грегори Р.Л. Разумный глаз / Ричард Лэнгтон Грегори / [пер. с англ. и предисл. д-ра мед. наук А.И. Когана]. — М. : Мир, 1972. — 210 с.
3. Деглин В.Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека / Вадим Львович Деглин. — Амстердам-Киев : Женева инициатива в психиатрии, Ассоциация психиатров Украины, 1996. — 151 с.
4. Деглин В.Л. О роли доминантного полушария в регуляции эмоциональных состояний / В.Л. Деглин, Н.Н. Николаенко // Физиология человека. — 1975. — Т. 1. — № 3. — С. 418–426.
5. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / Александр Евгеньевич Кибрик. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
6. Коул М. Культура и мышление: Психологический очерк / М. Коул, С. Скрибнер / [пер. с англ. П. Тульviste; ред. и предисл. А.Р. Лурия]. — М. : Прогресс, 1977. — 264 с.

7. Меркулов И.П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / Игорь Петрович Меркулов / РАН, Ин-т философии. — Т. 1. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2003. — 471 с.
8. Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / Игорь Петрович Меркулов / РАН, Ин-т философии. — Т. 2. — СПб. : Изд-во РХГА, 2006. — 416 с.
9. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: В 5-ти т. — Т. III. — Ч. 1. Статьи по антропологии и этнографии / Николай Николаевич Миклухо-Маклай. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — 559 с.
10. Попов С.Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: Дис. ... докт. филол. наук / Сергей Леонидович Попов. — Харьков, 2015. — 453 с.
11. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / Сергей Леонидович Попов. — Харьков : НТМТ, 2013. — 150 с.
12. Попов С.Л. Русская грамматическая вариантность в когнитивно-эволюционном освещении: Монография / Сергей Леонидович Попов. — Харьков : Миськдрук, 2014. — 304 с.
13. Потебня А.А. Из записок по теории словесности / А.А. Потебня // Потебня А.А. Эстетика и поэтика / [Ред. коллегия: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. Сост., вступит. статья и примеч. И.В. Иванько и А.И. Колодной]. — М. : Искусство, 1976. — С. 286–461.
14. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А.А. Потебня // Александр Афанасьевич Потебня. Символ и миф в народной культуре / [Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова]. — М. : Лабиринт, 2000. — С. 5–91.
15. Саган К. Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого мозга / Карл Саган / [пер. с англ.]. — М. : Знание, 1986. — 256 с.: ил.
16. Сумцов Н. Ф. Заговоры: библиографический указатель / Николай Федорович Сумцов. — 1892. — 18 с.
17. Сумцов Н. Ф. Колдуны, ведьмы и упыри: библиографический указатель / Николай Федорович Сумцов. — 1891. — 50 с.
18. Сумцов Н. Ф. Личные обереги от сглаза / Николай Федорович Сумцов. — Х. : Тип. губ. Правления, 1896. — 20 с.
19. Сумцов Н. Ф. Пожелания и проклятия (преимущественно малороссийские) / Николай Федорович Сумцов. — Х. : б. и., 1896. — 28 с.
20. Фарбер Д.А. Межполушарные различия механизмов зрительного восприятия в онтогенезе / Д.А. Фарбер, Т.Г. Бетелева // Сенсорные системы. Сенсорные процессы и асимметрия полушарий. — Л., 1985. — С. 127–136.
21. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Карл Ясперс // Ясперс К. Смысл и назначение истории / [пер. с нем.] — М. : Политиздат, 1991. — С. 28–286. — (Мыслители XX века).